

Алексей ГЕРМАН:

Кто заказывает чернуху, тот и расплачивается

— Когда закончился запас оптимизма, припасенный на черный день, у вас, Алексей Юрьевич, появились хорошие новости...

— Пожалуй, да. Как ни странно. И я должен поблагодарить за это «Известия».

— А что тут странного?

— Да видите ли, нынче всем безразлично, что и про кого пишут в газетах. Не обижайтесь, но ведь это только вы, журналисты, считаете себя четвертой властью. Власть есть власть, властей много, а при властях — газеты, за редким исключением. А тут — как в большевистские времена: по следам газетных выступлений.

— Только напомним читателям, о чем речь: 19 сентября в интервью «Мой фильм опять на полке» вы сказали, что неизвестно, когда в России состоится премьера фильма «Хрусталева, машину!», показанного на Каннском фестивале, ибо нет денег сделать хотя бы пару отечественных копий.

— Действительно, есть английские копии, есть французские, но ни одной русской копии не было сделано. После публикации в «Известиях» объявилось несколько впечатлительных людей, которые предложили помощь и, как водится, исчезли. А после позвонил из Парижа Никита Михалков, с которым мы еле знакомы, сказал что-то в этом же роде, с той только разницей, что на следующий день заказ копирфабрике был оплачен. Теперь мы сможем соединить изображение и звук и изготовить несколько российских копий. Сегодня просто так наткнуться на помощь, даже на интерес в глазах коллеги — нереально. Боюсь, что и я такой. Это когда-то было поколение стариков — Козинцев, Товстоногов, Симонов, Хейфиц, да и мой батюшка, которые считали просто обязанными помогать другим, особенно молодым.

— Но ведь существует же «мастерская Германа»?

— О, это отдельная история. В революционные времена на очередном съезде кинематографистов приняли постановление об альтернативном кинообразовании: молодые учатся режиссуре, вкалывая над фильмом вместе с мастером. Это не наше изобретение, так делают на Западе, особенно в Италии. В результате стажеры получают право снять свою короткометражку, которая говорит о них больше любого бумажного диплома. В качестве подопытного мастера выбрали меня, долго уговаривали, пока не

согласился. Потом долго отбирали стажеров, и вместе с картиной «Хрусталева, машину!» мы двинулись в путь. И почти все добрались до конца: актер Фетинг, кровельщик Карандашов, преподаватель фотодела Чутко. Должен прямо сказать, что они внесли в нынешний унылый процесс кинопроизводства не только замечательную игру молодого ума, но и страдательно разделили муки творчества.

— Итак, они с вами отработали семь лет, и что дальше?

— В итоге есть честное слово Армена Медведова и его заместителя Александра Голутвы, есть даже бумажка от Госкино, что они окончили то-то и то-то. Но дипломных работ, коробок с их фильмами, ради чего все и затевалось, у моих стажеров нет. Вот такая тоскливая с мастерской ситуация. Я вмерз в грунт, но не хочу так зимовать.

— Тем не менее молодое кино существует и вызывает вокруг себя бурные споры. Не будучи ему прокурором или его адвокатом, скажу об ощущении: новое поколение правдолюбивых стало азартом показывать немую Россию... Киллеры, менты, уроды, воры, импотенты, бабники, братки — не только в названиях фильмов последних лет.

— Я не знаю, Ядвига, что такие братки в кино. Почему бы не вспомнить фильм Бобровой «В той стране», сделанный с участием и с жалостью к человеку? Я вообще не понимаю, что такое доброе кино. Мы не врачи, мы боль, утверждали русские критические реалисты. А про «немую Россию» сказал молодой человек, ровесник нынешних выпускников ВГИКа, жалея и любя ее. Скорее речь не о том, что на дне художнику делать нечего. Власть тымы — извечно русская тема.

— Только скажите, почему сегодня герой всякой новой ленты если не киллер, то гей?

— Не молодые выплеснули всю эту чернуху. Вообще-то это все сродни старым бесконечным дискуссиям о том, что кинематограф захлестнул серый фильм. Все с ним боролись, но кто-то все время делал этот самый фильм по заказу государства. А гнилую продукцию еще легче изготовлять, чем серую, — вот в чем фокус. Подошел к пивному ларьку, напоил любого болтливого алкаша, посадил его на кухне, где мухи, и он такой монолог выдает о смысле жизни! Вне сюжета, вне интонации, вне настроения, вне глубины, вне трагедии... Фальшак, как говорят коллекционеры. Сколько угодно можно бомжей записать. Но вы

страдать историю Акакия Акакиевича не может даже самый приткий халтурщик. Чернуха — это отсутствие искусства, во всех остальных смыслах для меня нет ни чернухи, ни белухи. Сегодня от зрительского восторжения — камера может все — иногда приходит великое недоумение — зачем камера может все? В эти дни каналы боролись за видеоряд, а газеты за подробности: почему застрелился сын Барсукова, а дочь Курехина отравилась? И не было у отечественных папарацци, препарирующих трагическую новость, ни грана сочувствия чужому горю, возникало ощущение 37-го года — тебе сообщают о смерти сына врага народа. Зачем же у человека отнимать право переживать личную непоправимую трагедию, которую он хочет спрятать от площадной публики? Как-то посмотрели мы по телевизору фильм о Галине Брежневой. Какой скверный человек мог это сделать — подплавить дочь вождя, теперь уже неопасного, и снимать. Мы храбрые, мы про оральный секс говорим. Открываем горизонты темы — да про это каждый солдат знает, только раньше называл по-другому.

— Еще совсем недавно было много разговоров про олигархов и их тотальную власть над обществом...

— Талантливый актер Саша Баширов снял свой первый фильм. «Железная пята олигархии». Кстати, он играет в «Хрусталева» — и, как нам кажется, хорошо. Он очень убедительный артист: вроде оттопыренная губа, глуповатый вид, но он очень острый господин, дружил с Курехиным, знает языки, но все время, правда, носит простоватую масочку. И вот его спрашивают в какой-то телепередаче: а что такое олигархи? И Саша начинает мяться, тушует. А ведь это, повторю, название его фильма. Другому я поверил бы, что не знает, что необразованный, а Саше не верю. Чтобы он в словарь не заглянул?

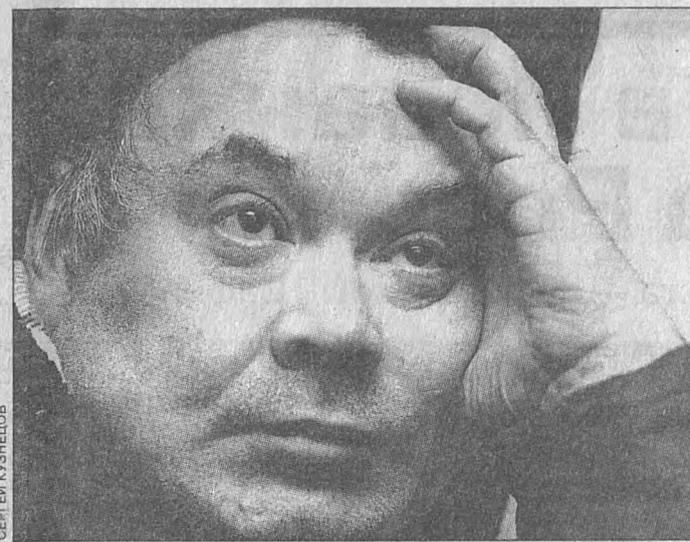
— И в чем же дело?

— В смене вех. Вы не заметили, что в последние годы постепенно олигархам придали лакировочный вид. Вроде законная форма правления, вроде в нормальном государстве должны быть олигархи, вроде даже славно, что они есть. Этакое полубюро при президенте. У меня нет друзей-олигархов, недругов тоже вроде нет, поскольку это называется: «мужик на царя три года серчал, а царь и не знал». Правда, один сам навязывался; деньги на картину предлагал, после передумал, другой рассерчал и премию назад ото-

брал, которую сам дал. Третий, поменьше, деньги на картину перевел крошечные, но умудрился забрать их со счета картины обратно. Но были два хороших человека, два банкира, помогли, спасибо им. Помогли, они и не олигархи вовсе. Хотя я и сейчас не считаю, что все наши несчастья от олигархов. Все наши несчастья от того, что разворовали страну, получив свободу. Направились в демократию, как на рыбалку. Горький писал: «Воровать в России будут, пока кто-нибудь не украдет все». Вот все и украли. А уж кто там что украл... Министр внутренних дел собирает мастеров культуры и просит задуматься творцов над созданием порядочного образа стража порядка (мастера халтуры уж точно отзовутся). А не проще было бы спросить у олигархов, владельцев телеканалов, почему мы в угоду рейтингу про уродов говорим больше, чем про людей... Я органический противник всякой заказной духоводственности. Но я понимаю тех, кто говорит, что после каждого выпуска новостей жить не хочется. Во всем мире худо. Во всем мире поезда съезжают с рельсов, кто-то кого-то зарезал или открыл огонь по сослуживцам или иноверцам. Матушка моя была слепа последние много лет. У нее стоял телевизор с четырьмя кнопками, она его только слушала, и радио с тремя. Мама моя жила в атмосфере постоянного ужаса. Она не могла подойти к окну и увидеть, что расцвела сирень, что по Марсову полю гуляют дети, бегают собаки... Она все время хватала меня за руку и говорила: «Леша, ты должен все это оставить и бежать». Помню, мы со Светланой ей сказали, что котенка купили. Она пришла в недоумение: как можно во времена войны и террора на фоне извержения Этны еще котенком заниматься. Хотя у мамы была абсолютная светлая голова. А сегодня подобной психатаке подвержена вся страна: все бомжи — и все умирают...

— Но ведь трудно возразить, что социальные проблемы в обществе крайне обострились?

— Горько признать, но люди у нас рылись в помойках всегда, просто их за это на сто первый километр выслали — в лучшем случае. На полуразрушенном Василеостровском рынке в Ленинграде сразу после войны жили тысячи калек. Когда их командир-майор умер, его похороны превратились в страшную демонстрацию. Так называемые кожаные задницы перекрыли все движение на Васильевском острове. Обрубки людей, бывших солдат, везли майора на кладбище. Через

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ

несколько дней их всех выселили из Ленинграда, часть на Валаам, чтобы они все там тихо подошли. Я их видел. А как проблема с бомжами была решена в 32-м в Москве? Их расстреляли как скрывающихся кулаков. В Астрахани на съемках «Лапшина» у нас была база в длинном деревянном здании на набережной. К нам на съемки приезжает консултант — генерал, начальник УВД, мы сели перекурить, и он говорит: а ведь я здесь службу начинал в 30-х годах в речной милиции. Тогда мы добились, что ни одного бродяги не стало в Астрахани. Вот здесь, где вы сидите, был диван деревянный, а мы в него иголок набили вверх острием. Появился бродяга с баржи или парохода, а мы его сюда. А нука, садись, братец, а он, естественно, не хочет. А мы его посадим, плечики придержим. Ну а если зима, штанишки у него ватные, мы туда немножко солярки и спичку. Представляете, в заднице иголки и огонь оттуда валит... Он как почешет от нас... Все в России знали, что в Астрахани бродяге не место. И вдруг установилась какая-то неловкая тишина, генерал был человек неглупый и много нам помогал, но тут понял, что что-то не то рассказал. И в этой тишине вдруг Андрюша Мионов спрашивает: «Товарищ генерал, а если бы к вам Горький в юности нечаянно добродяжил?» Дикторша в телевизоре рассказывает, как у нас все плохо, после этого показывают старый советский фильм, а там, как вы понимаете, все хорошо. Возникает невольное впечатление, что проводится гигантская спецоперация по реставрации коммунизма. И это силами «искусства».

— Вы настаиваете, что кино по-прежнему важнейшее из искусств?

— Да уж конечно. Мы летели на фестиваль в Америку, и довольно много людей говорило нам, зачем вы летите в эту бандитскую страну. Америка воспринимается нынче в России как огромный наркопритон, школа для братьев, как стрелять, пытаться, уши обрезать. Америка разная, но в силу разумного государственного устройства умеет в отличие от нас заботиться о своих гражданах. Ежедневное третьеразрядное

кино крепко вбило в головы россияно, о чем мог только мечтать агитпроп Жданова и Сулова. Кстати, о важнейшем. Поляки, например, утверждали, что движение «Солидарности» было организовано кинематографом, фильмами Вайды и Занусси. «Лапшина» ведь закрыли с формулировкой: «С такого кино начиналась Польша». Мой отец любил Каплера, звал его «Люся», но всегда дразнил, что усасть посмотрел его картину «Ленин в Октябре», хлопнул себя по лбу и перекатал с него «Краткий курс», за что Каплер должен требовать авторские. Страна знала псевдоисторию не по «Краткому курсу», а именно по кино. Сейчас кинематографисты должны быть жутким дефицитом. Зигованов должен бегать за одним режиссером с тортом и цветами, Лебедь — за другим. Пока понял что-то один Лужков.

— Каким вы представляете прокат картины «Хрусталева, машину!» в России?

— У меня есть опыт. На «Лапшину» в маленьких залах были очереди. Но этот фильм, когда его в первый раз показали по телевидению (потом еще показывали раз 25), вызвал приступ народного гнева во всесоюзном масштабе. Ваши «Известия» предлагали гражданам успокоиться и не сжигать фильм на площади. Мы рады будем поехать с «Хрусталевым» по городам России, где существует интеллигенция, остальки кинолюбков. Через какое-то количество лет картина станет такой же простой, как и «Лапшин». А так учить меня грамоте киносложения незачем. Я с ней знаком.

— А можно наконец-то вообразить Германа как человека без больших проблем?

— Очень хотелось бы, да не получается. Сейчас главная проблема — не оказаться плутом по отношению к моим стажерам — молодым режиссерам. И — своя работа. Возможно, начну свой следующий фильм месяца через полтора. Начну со сценария, запрещенного мне для первых самостоятельных съемок тридцать лет назад. Смешные загогулины устраивает с нами жизнь.

Ядвига ЮФЕРОВА